

Ольга МОЗГОВАЯ

ЖЕЛЕЗНЫЙ
РЫЦАРЬ

— Лев Георгиевич, это вы в образе крестоносца? И тут еще что-то на латыни начертано...

— Это называется «Портрет художника в России», мой автопортрет — и пародия на парадный портрет. «Имаго солемнис» — парадное изображение. А поскольку «парадный», то в нем имеет значение каждая деталь. Вот восточное сюзание — драпировка, покрывало для новобрачных, с восточным орнаментом — я же родился в Азии. Книги у рыцаря древние, латинские, то бишь западные фолианты — всю жизнь меня тянуло на Запад. С другой стороны — такая зеленая — это русская химера. Помните некрасовское: «Мужик — что бык, втемаяшится в башку какая блажь, колом ее оттуда не выбьешь». То же про меня, про мой характер. Решетка на окне, за решеткой ворона — это реальность, всю жизнь мы сидели за решеткой. А ласточка — недостижимый идеал.

— А латы? Не трагите меня, не подходи — убью?

— Латы — тоже символ. Как способ оборониться, защититься, единственный способ творческому человеку жить в России. Избавиться от зависти, злобы, гадости, ненависти. Отстраниться от всего...

— Почему не русская кольчуга?

— Кольчугу стрела пробьет. Или нож.

Я НЕ ХОТЕЛ
ИГРАТЬ БОНИВУРА

— Давно вы так обороняетесь?

— Всю сознательную жизнь! В двенадцать лет впервые, случайно, можно сказать, услышал передачи «Голоса Америки». И тогда же понял... многое понял, если не все. Про страну, в которой живу. Про людей. Про своих родителей... В Питере, когда учился, дружил с потрясающими людьми — теми, кого называли диссидентами, антисоветчиками. Вообще «шестидесятники» — явление сложное, неоднозначное,

Он учит китайский и пытается читать в подлиннике старинные книги на латыни. Его любимый писатель — Вудхауз. Его он читает тоже в оригинале — по-английски. Свои картины — а их множество, и они удачны, их охотно покупают коллекционеры — он слегка пренебрежительно называет «картинками». Он терпеть не может кинокритиков — слава богу, что я не пишу рецензий! Наша встреча происходит в его мастерской. На стенах, на полу, на мольберте — картины. Одна из них сразу приковывает взгляд: рыцарь в латах, — а из прорези шлема удивительно знакомые глаза — его, Льва Прыгунова.

ПОРТРЕТ
ХУДОЖНИКА
В РОССИИ

Картинки с выставки Льва Прыгунова

— Достойный фильм прекрасного режиссера Александра Файнциммера. Но с ним явно перебарщивают, с частотой показа, я имею в виду.

— Есть роли, которые вам особенно дороги?

— Есть. «Три дня Виктора Чернышова». Очень хороший фильм. И очень хорошая у меня роль. И еще один фильм — «Картина» — по Даниилу Гранину.

ГЛАВНОЕ —
НЕЗАВИСИМОСТЬ

— Бедные рыцари кино, никакие панцири вас не спасают. Раньше цензура свирепствовала, теперь деньги решают все. Попали из огня да в полымя...

— Ну, мне-то грех жаловаться, только в этом году снялся в трех картинах.

— Сериалы?

— Сериалы.

— Менты, супермены, героиночки, да?

— Не совсем. Один — негодяй из ФСБ; два других — прекрасные мужики, правда, тоже из внешней разведки. Жанр понятен, но чего удивляться? На что сейчас деньги дают, то и снимают.

— Словом, вы востребованы, отсутствием работы и внимания к себе не обижены.

— Меня трудно обидеть. На самом деле, поверьте, мне абсолютно все равно, будут меня снимать или нет. Для меня главное — моя независимость. Если хочу сниматься — снимаюсь, как и пишу только те картины, которые самому хочется. Вообще у меня есть все, о чем только

может мечтать художник. Да просто — человек!

— И живопись вас кормит? Извините за грубость.

— Почему грубость? «Не продается вдохновение, но можно рукопись продать». Да, кормит. Больше десяти лет меня кормили мои картины — в Америке, в Лондоне, в Париже. Я дружил и дружу с прекрасными художниками. Живописи я немного в детстве учился, а потом случайно... прорвало. Как-то на съемках в Вильнюсе было довольно много свободного времени, и я подружился с декоратором картины. В шесть утра мы вставали и шли на этюды. Писали старый Вильнюс. Натура изумительная! Потом стал темперой писать, потом маслом.

УХОДЯТ
ДРУЗЬЯ

— Лев Георгиевич, а почему вдруг — китайский язык? Откуда это увлечение?

— Может, в прошлой жизни я был китайцем, кто знает? А родился я в Алма-Ате, это рядом с Китаем. Мама моя была преподавателем литературы и русского языка, папа, биолог, тоже преподавал. Волею судьбы они оказались в Средней Азии — просто сбежали из России в 37-м году. Что и спасло их от репрессий. Отец погиб уже после войны, сорвался с горы в Заилийском Алатау. И странное, знаете, совпадение, мистическое, непонятное! Я снимался с Андреем Ростоцким в сериале «Дронго», когда умер его отец. Андрей поехал на похороны в Выборг, потом вернулся; мы сидели, пили, поминали. Тут я как-то так на него посмотрел — и увидел: Боже, до чего же Андрюша похож на моего отца! Просто одно лицо! Такой был момент... Проходит полгода, и я узнаю — как сейчас помню, ехал на машине, слушал радио, — что Андрей погиб. Погиб в горах, на съемках своего фильма. Ему было сорок пять лет. Так же, как и моему отцу. И гора была примерно такой же высоты — только на Кавказе, а не в Тянь-Шане.

— Надо же, как в жизни бывает... А расскажите что-нибудь о Бродском, вы ведь тоже дружили? Что за фотография у вас на стене — Бродский и...

— И моя фотография у него в руках — кадр из фильма «Блестящий мир». Фильм снял режиссер Булат Мансуров. А о Бродском... Была такая ленинградская компания — поэты, художники, литераторы. Они меня и познакомили с Иосифом. В тот год, когда он вернулся с Севера. Потом я навещал его в Америке... Я почему-то был уверен, что Бродский будет жить вечно. Понимаете, что я хочу сказать? Что такой человек, такой гигант, такая личность не может умереть! И не было никогда у меня такого тщеславия — сняться с ним на память. Хотя несколько снимков есть. Этот, на стене, один из них. Почему-то ему понравилась именно эта моя фотография из фильма по Александру Грину, и он попросил его сфотографировать с ней. Так мы вместе и остались. И я у него на руках...

— Если сказать о Бродском одним словом — какое бы слово вы нашли?

— В китайской даосской философии есть понятие «совершенно-мудрый человек». Как они объясняют, это такой человек, который всегда называет вещи своими именами. То есть мудрее быть нельзя. Это предел ума — назвать вещь своим именем! Дальше идет заумь. Так вот, Иосиф был удивительно, абсолютно совершенномудрый человек! От этого его бесстрашие, полное отсутствие какого-либо обмана. От этого — его бессмертие.

ДОСЬЕ «ВМ»

ПРЫГУНОВ Лев Георгиевич, актер, художник. Родился 23 апреля 1939 года в Алма-Ате. Окончил ЛГИТМиК в 1962 году. В 1963—1964 гг. — актер Центрального детского театра в Москве, затем — Драматического театра им. К. С. Станиславского, в 1969—1992 гг. — Театра-студии киноактера. В кино с 1962 года. Снимался в фильмах «Увольнение на берег», «Мне двадцать лет» («Застава Ильича»), «Дети Дон-Кихота», «Иду на грозу», «Пропащая экспедиция», «Сердце Бонивура», «Трактир на Пятницкой», «Криминальный квартет», «Святой» (США) и других.

многомерное. Это сейчас всех гребнут под одну гребенку, а нас было много, и мы были очень, очень разные. Вы поставьте рядом Роберта Рождественского и Иосифа Бродского! Можете? Хуциев, Евтушенко, Вознесенский — они были за революцию, против Сталина, но за Ленина, а ведь были и другие, которые уже тогда понимали, что никакого человеческого лица у «них» быть не может...

— Как же вы с такими идеями сыграли пламенного комсомольца Виталия Бонивура? И фильм-то был хороший. Смотрелся, как сейчас помню, на одном дыхании. И вы — такой молодой, красивый, пламенный.

— Сначала я не хотел его играть. Вообще там была занятная история с этим фильмом, и даже раньше — с книгой. Писатель Дмитрий Нагишкин девяносто процентов всей этой истории выдумал. Да, был такой парень, молдавский еврей, он погиб,

замучили его, вырезали звезду на спине. Нагишкин наткнулся на этот факт, на эту фамилию. Потом идея обросла персонажами, перипетиями, откуда-то вылез партизанский отряд, которого, возможно, не было и в помине. Но как же без партийного руководства комсомолом?! Тем более что фильм снимался к какому-то юбилею ВЛКСМ... А кроме самого Бонивура в фильме и играть-то было нечего и некого. Он, этот парень, герой-одиночка. Все остальные — блеклый фон. А к одиночке, да еще гибнущему за идею, романтику, всегда отношение особенное, нежное. Зрители всегда «болеют» за него, за одиночку, под каким бы флагом он ни действовал.

— Так почему же вы все-таки согласились играть?

— Дело в том, что меня утвердили на одну из ролей в фильме «Красная палатка», и я должен был отправиться на съемки в Италию. Но я был... невезучим. Вот тогда-

то меня и уговорил вернуться к роли Бонивура директор объединения, в котором снимался фильм. Но я поставил условие, что ни одного дурацкого лозунга вроде «За власть советов!» я произносить не буду. И не произнес!

— Старые фильмы сейчас часто крутят по телевидению, а Бонивура почему-то нет. Не знаете, в чем дело?

— Понятия не имею. Спросите у телевизионщиков

— А вам не проще спросить?

— Я бы спросил, но когда еще у актера в России будет авторское право, а значит, право требовать отчета! Ведь мы же ни копейки не получаем за то, что наши старые картины крутят, как вы выражаетесь, по телевизору! Ни копейки, тогда как тамошние начальники гребнут миллионы на рекламу!

— Зато месяца не проходит, чтоб не показали «Трактир на Пятницкой»!